
ТРИ ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ

Источник: Васильева Л. Н. Три желтые розы / Л. Васильева // Путешествия друзей с врагами : зависимые записки / Л. Васильева. – Москва, 2015. – С. 120–135.

Некогда оставивший родное Блудново и живописный Бобришный Угор, Александр Яшин (отцовская фамилия Попов) прошел войну, «оседлал» Москву, окончил Литературный институт, стал в центре внимания литературного процесса в 50–60-х годах XX века.

Официально признанная и отмеченная Сталинской премией второй степени поэма «Алена Фомина».

Жесткий, суровый, искренний рассказ «Рычаги» — предтеча нового смелого витка литературы шестидесятых.

«Вологодская свадьба» — повесть, горькой правдой своей обидевшая односельчан.

Он жил в Москве. Не раз был женат, имел детей. Все дети любили его сильно и неоглядно.

Вот коротко о человеке сложном, противоречивом, прямолинейном, открытом, замкнутом, дружелюбном, искреннем. Встреча с ним вроде бы и не повлияла на меня, но оказалась знаковой для памяти о времени и людях.

Людмила Константиновна Татьяничева, уральская поэтесса, в шестидесятых с мужем и двумя сыновьями переехала в Москву. Она была назначена на должность секретаря Союза писателей СССР. Крупная, строгая, с гладкой прической, она казалась человеком, «закрытым на все пуговицы». Само достоинство. Сама высокая нравственность и партийность. Мало кто знал, как прекрасна она была в молодости и какой хохотушкой оставалась в Москве, не изменив характера. Однажды большая писа-

тельская компания, в основном состоявшая из поколения «шестидесятников», говорила о чувстве юмора и юмористах. Валентин Распутин сказал:

— Никого не знаю более остроумного, чем Людмила Константиновна.

Собеседники удивились. Остроумие не сочеталось с ее официальным внешним образом, но это было так.

Меня она приняла в сердце сразу, хотя многое в моем поведении казалось ей вызывающим, нескромным, резким. Не делала мне замечаний, но я-то видела.

Однажды упрекнула:

— Все у вас Миши, Сережи, а они вам в отцы годятся.

Была писательская поездка в Ленинград, организованная журналом «Москва». Много интересных людей, впечатлений. Вернулась. Позвонила Людмиле Константиновне. Мы пошли погулять — жили близко.

— Рассказывайте. С самого начала. Кто был в делегации?

Делюсь впечатлениями от спутников, от поэтических вечеров, проходивших там. Задает вопросы.

— С кем вы ехали в купе?

— С Ляшкевичем и с Яшиным.

Молчание. Я взглянула на нее.

— В одном купе с Яшиным?

Краска заливала ее лицо. Какая-то крамольная мысль складывалась в моей голове, явно желая оформиться в вопрос. Прорвалась.

— Людмила Константиновна, почему вы покраснели?

— Вам показалось.

В конце прогулки Людмила Константиновна произнесла:

— У Яшина замечательная жена. Злата, как и я, Константиновна. Мы с ней дружим. Красавица. Стихи пишет.

Через паузу.

— Как и следовало ожидать, вы Яшину понравились. Он рассказывал про Бобришный Угор?

– Нет. Не помню. Какой Угор?

– Александр Яковлевич смолоду бредил живописным местом поблизости от села, где родился. Это далеко, в Вологодской области, под городком Никольском. Бобришный Угор. Всем о нем рассказывал. Я слышала про него еще в тридцатых годах. Мечтал там жить и там же лежать в могиле.

После прогулки, возвращаясь домой, я думала, что Татьяничевой небезразличен Яшин и тяжелые драмы в его семье. О них тогда судачили в писательских кругах. Он привлекал к себе внимание, а его «Рычаги» и «Вологодская свадьба» были у всех на устах. Модный писатель. Знаменитость. За границей издавался.

Спустя годы, когда Александра Яшина уже давно не было на свете, а моя дружба с Людмилой Константиновной стала необходимостью для нас обеих, мы изредка говорили о нем. Желая «раскачать тормоза», я приставала к ней с вопросами: была ли она влюблена в Яшина, был ли он влюблен в нее, был ли у них роман??? Она отлично отшучивалась. Наконец ей надоело.

– Свидетельствую для любопытных: романа не было. Когда-то в молодости мы с ним нравились друг другу. Стояли у черты. Я не переступила. Он был – огонь. Приносил женщинам несчастья. А дружить с ним было отлично.

Она говорила о его таланте. О смелости в разворотах тем, на которые сама не осмелилась бы. О том, как он старался для молодых писателей-вологжан. А я все помнила: она покраснела, услышав, что я провела ночь в одном купе с Яшиным.

– Людмила Константиновна, Яшин посвящал вам стихи?

– Думаю, не одной женщине показалось, что ей посвящено. Он не жил без романов.

– А вы посвящали ему? Тогда, в молодости?

– Пусть это останется для исследователей. Иначе им нечем будет заняться.

Незадолго до ее кончины мы прогуливались по больничному скверу. Внезапно она сказала, что часто думает о моей навязчивой мысли: у поэтессы должен быть «муз», как у поэта — муза. И чем больше поэтесса, тем ее «муз» недостижимей для плотских чувств. Добавила не без гордости, что у нее такой был. Идеал и антиидеал одновременно. Она ссорилась с ним. Мирилась. Выясняла отношения. В стихах. Он ни о чем не подозревал.

— Реальный человек?

— Еще какой реальный.

— И никаких поцелуев, объятий?

— Боже, упаси. Он мог испепелить.

Тут я подумала: Яшин. Посмотрела, не покраснела ли опять Людмила Константиновна. Увы, лицо было блее полотна. Угасающее.

Перелистываю ее стихи. Одно датировано 1971 годом. Мне даты, как правило, ни о чем не говорят. Их можно вымыслить и перепутать, чтобы не догадались любопытные. Анна Ахматова была мастерица путать даты. В 1971 году Яшина уже несколько лет нет в этой жизни. В воспоминаниях Татьянической он действует. Она сердится из-за его новой семьи. Яшин не однажды создавал семьи. Кто эта женщина? Елена, Злата, Вероника?

Но какова Татьяническа! Не велит «идеалу» даже по одной с нею улице ходить!

Ты идешь по улице моей
 Мимо опаленных тополей,
 Мимо тех непозабытых встреч.
 Впрочем,
 Вовсе не об этом речь!
 Речь сегодня я веду о том,
 Чтоб счастливым был твой новый дом,
 Чтобы жизнь твоя была полна
 И чиста —
 До золотого дна!
 А чтоб разум с сердцем

Заодно,
Позабудь про то,
Что сожжено.
Мимо опаленных тополей,
Не ходи по улице моей.

Одно время жили в одном многоквартирном писательском доме, и Людмила Татьяничева, и Александр Яшин со своими семьями.

Татьяничева такая высоконравственная. Она не станет намеренно путать даты, как Ахматова.

Как-то она рассказала мне, что в конце сороковых, когда шла травля Анны Ахматовой, в уральском издательстве был рассыпан набор татьяничевской лирической книжки за «“цыганщину” и ахматовщину». Сильно пострадала. И, как говорится, «застегнулась на все пуговицы»: более не давала цензуре поводов запустить лапы в ее произведения.

Готовясь к своим воспоминаниям о Яшине, читала и перечитывала я его дневник военного времени. В первой же строке сообщается, что к ним (речь идет о той женщине, с которой он тогда жил) приходила в гости Людмила Татьяничева. Ее имя возникает на протяжении всего дневника, без каких бы то ни было характеристик, оценок поведения, комментариев. Просто: «была, сказала, пришла, ушла». Конечно, если бы я захотела проследить в стихотворениях Александра Яшина линию Татьяничевой, то, при доле воображения, нашла бы ее. Но вспомнила саркастические слова Людмилы Константиновны о том, что в случае с Яшиным многие женщины могли принять на свой счет его стихи.

Прочитав дневник, утвердилась я в мысли, что образ Людмилы Константиновны всегда был незыблем для Яшина.

Есть пословица: «Мужчина может легко забыть женщину, которая согласилась, но никогда не забывает той, которая отказала ему».

Яшин — хороший писатель; это единственное, что я знала, оказавшись с ним в одном купе. Женщин в делегации было мало. Нас «раскладывал» по вагонам директор бюро пропаганды советской литературы московской писательской организации Дмитрий Ефимович Ляшкевич, грузный человек, большой мастер-организатор писательских встреч, поездок, литературных вечеров. Была я в 1964 году лицом новым, по отзывам вполне надежным: не пью, стабильно замужем, с успехом читаю лирику на вечерах. Ляшкевич обещал мужу оберегать меня и, наверно, с этой целью определил в свое купе. С Яшиным была знакома на уровне «здравствуйте». Внешне он на меня не производил никакого впечатления: немолодой, суетливый, сухощавый, весь из углов. Разумеется, его «Рычаги» читала. Видела в них новое явление литературы. Определяла Яшина, а не Владимира Дудинцева, поворотной фигурой времени перемен. И, хотя сама не видела для себя интереса политически определяться в литературном процессе, считала смелость писателя в новом времени необходимым явлением. Свою смелость по-своему обозначила: пишу лирические стихи, передаю в них Богоприсутствие, которое повсюду ощущаю в природе и в жизни. Не хочу определяться в литературных группах: ни справа, ни слева.

«Вологодскую свадьбу» Яшина не дочитала. Она была про деревенскую, неизвестную, неинтересную жизнь.

Вот такой расклад был, когда вошла в купе, где никого еще не было. Переоделась в пижаму и уснула. Но «недолго музыка играла», вернее, «музыка» скоро началась. Ляшкевич храпел. Но как! «Оркестр» через проход от меня, на нижней полке. Лежавший надо мной человек ворочался и ворчал: как тут выспиться. Заметив, что я тоже не сплю, он зажег у себя боковой свет. Яшин.

Писателям, авторам журнала «Москва», наавтра предстоял большой вечер в одном из известных залов Ленинграда. Мы с Яшиным начали переговариваться. Он,

предположив во мне поклонницу Марины Цветаевой, сказал, что знал ее.

— Какая она была?

Александр Яковлевич ответил, что в то время она его не интересовала. Он был увлечен Александром Безыменским.

— Какой ужас! — искренне сказала я.

Он легко спрыгнул вниз (не раздевался, лежал в одежде, даже в пиджаке) и, сев на край моей полки, быстро, гневно стал крыть молодых поэтов. Закончил свою тираду словами, что Марина Цветаева была поизящнее меня фигурой. И легко вскочил наверх.

Ляшкевич продолжал храпеть.

Утром, стоя у окна и глядя на приближающийся Ленинград, Яшин примирительно сказал мне, покручивая рыжий ус:

— Если зарифмуешь «любовь» и «ноги», приму тебя в Союз писателей. Отзыв напишу.

С ходу сочинила экспромт, формально выполнив его задание. В нем намекнула на его немолодость. То была месть за сравнение меня с изящной фигурой Марины Цветаевой.

Первый вечер журнала «Москва» в Ленинграде начался кошмаром. Дело в том, что с нами не приехал модный поэт, объявленный во всех афишах, и публика встретила нас гневными выкриками, требуя своего героя.

— Я платил за билет! Я взял его с нагрузкой на «Бориса Годунова»! Кто вернет мне деньги? — кричал огромного роста и веса мужчина из ближнего ряда.

Писатели стояли на сцене перед разбушевавшимся залом. Желваки ходили на лице Яшина. Глаза его были полуприкрыты.

— Уйдем! — шепнула я ему, стоя рядом. — К черту. Плюнем и уйдем.

— Стой! — он схватил меня за руку. — Стой! Малодушная...

Зал утих, и вечер начался. Словно в отместку залу, все мы были в ударе. Прорвались некие плотины, и море сдерживаемых эмоций пролилось на головы сидящих. Кто из нас хоть мало-мальски боялся публики и волновался перед нею, возмущенный, отбросил все свое волнение. Освободился.

Нас провожали бурными и впрямь несмолкаемыми аплодисментами. Яшин был особенно хорош. Его вызвали. Он вышел на середину сцены и глухо сказал:

— Я вам больше читать не буду.

По всему выходило, что мы победили зал, но, возвращаясь в гостиницу, Александр Яковлевич сказал мне в автобусе, что противнее минут не помнит.

Стихи Яшина мне не были близки. Их резкость, подчеркнутая прозаичность скучны. Они явно предназначались другому читателю.

В эти дни мы часто оказывались рядом за столами. Сказала ему, что его «Рычаги» — могучее произведение. Похвала понравилась. О «Вологодской свадьбе» тоже отозвалась хорошо, но призналась, что не люблю читать про деревню. Заохотал. Ему явно по душе были крутые повороты в разговорах. Сказал, что и сам не любит читать «деревенщину», но ему в этом признаваться можно, а мне нельзя, не примут в Союз писателей.

Опять он про Союз. Резко сказала ему, что не нуждаюсь в Союзе. Мне, в отличие от него, не нужно от Союза ни квартиры, ни дачи. У меня они есть. Он спокойно ответил:

— Это не твоя заслуга.

Еще помню, он мимоходом заметил, что культивирую в стихах романтизм, за которым скрываю отсутствие сильной любви. А когда она придет, раскроюсь по полной. И стану как Марина Цветаева. Ответила, что она мне не близка. Яшин почему-то сказал:

— Похвально.

На обратном пути мы ехали в разных купе: три журналистки и я составили женское общество. Подъезжая

к Москве, у окна мы с Яшиным разговаривали о стихах, рифмах, о дольнике, который был ему интересен в моих строчках.

— Ты пишешь без надрыва. Мне это нравится. Умиротворяет.

Я удивилась: не он ли советовал мне раскрыться по полной?

Внезапно он заговорил о том, что его под старость навестила дикая, невероятная любовь. Я знала, о ком он говорил. Она, известная поэтесса, тогда умирала, дни ее были сочтены. Яшин огорошил меня вопросом, не хочу ли стать вместо нее, он тогда еще напишет что-нибудь путное. Прежде чем собралась дать достойный ответ, он сказал, что пошутил: я, мол, тоже поэтесса, а с нами нужно осторожно. Можно спалить. До смерти.

Мне хотелось ударить его за женщину, которая была еще жива. Он улыбнулся:

— Не сердись. Это я с горя. — И добавил: — В Союз писателей я тебя приму, а ты через полтора года принесешь мне на гроб три желтых розы.

Почему три? Почему желтых? Почему розы? И почему через полтора года? Фраза его прозвучала неестественно, неубедительно. Манерно. Несоответственно его резкому облику.

Более мы не встречались.

Через полтора года после нашего разговора в поезде я шла на панихиду по Александру Яшину в Дом литераторов, заранее обежав московские рынки в тщетных поисках желтых роз. Нигде таких не было.

Подумала: сейчас выйду из метро «Краснопресненская» и куплю первые попавшиеся цветы.

На лотке у метро первых попавшихся цветов не было. Одна-единственная женщина торговала огромным букетом, целиком состоявшим из... желтых роз. Я выбрала самые большие, нераспустившиеся, свернутые роскошными бутонами. Три.

Почудилось, в гробу Яшин слегка улыбнулся мне.

Много лет спустя художник издательства «Советский писатель» Владимир Медведев передал мне одновременно трогательный и требовательный письменный отзыв Яшина, сделанный им не для моего приема в Союз писателей. Это была внутренняя рецензия на мою рукопись «Лебеда», готовившуюся к изданию. Все слова в ней были как привет из поезда «Москва – Ленинград». И обратно.

Спустя еще годы, когда ломалась эпоха, хрустели, словно кости, души истерзанных людей, вызовом всему происходившему стало самоубийство поэтессы Юлии Друниной. У меня есть основание думать, что ее уход из жизни был заранее продуман и решен, а в решении прошла тень Александра Яшина. И вот почему.

Очерк «Три желтых розы» я еще в восьмидесятых опубликовала в книге «Облако огня». Среди тех, кто читал эту книгу, были люди, которым казалось, будто я скрыла «главное» в своих отношениях с Яшиным, потому что «он ни одной не пропускал».

Двадцать третьего ноября 1991 года был день моего рождения. Дата некруглая, да и нечего праздновать. Рушилась страна. Бесперспективность будущего омрачала жизнь. Примерно за неделю до этого дня в Союзе писателей встречаю Юлию Друнину. Она говорит мне, что ей вернули стихи из нескольких журналов, якобы лирика никому не нужна, а нужны «крутые стихи о сексе». Юлия Друнина – депутат Верховного Совета СССР последнего созыва, воспринимает все происходящее в 1991 году как надругательство над святынями. Мрачна, но выглядит превосходно: пышные светло покрашенные волосы, бархатный костюм в стиле Шанель. Поговорили – разошлись.

В этот же день она позвонила мне по телефону. Никогда прежде не звонила.

– Лариса, я хотела тебя спросить... В книге «Облако огня» у тебя есть очерк про Александра Яшина. Задолго до

смерти он попросил тебя принести ему на похороны три желтых розы. И точно назвал время, когда это случится.

– Не совсем точно, но близко.

– Почему три розы? Покойнику нужно четное число цветов. Почему желтые розы? Желтый — цвет измены. Кто из вас кому изменил?

– Никто никому. Почему желтый? У него теперь не спросишь.

Она усмехнулась.

– У тебя что-то было с Яшиным?

– Нет. Я вообще мало его знала.

– Он был разрушитель женских сердец. Считался Дон Жуаном. Не говори, что за тобой не ухаживал. Не поверю.

– Верь не верь. Не ухаживал. Он не был Дон Жуан. По-моему, Яшин смешивал образы музы с женой и возлюбленной. А смешение — смерти подобно. Так у Блока получилось. Эти две женских ипостаси должны существовать отдельно.

Юлия явно не слушала меня.

– Скажи, у нас с тобой все в порядке?

Я не поняла вопроса.

– Мы с тобой не ссорились? Не обижали друг друга? Ты ни за что на меня не обижаешься?

Уверила ее, что между нами все в порядке.

Пока мы вели беседу, в дверь раздался звонок. Поэтесса Оля Юрикова, милая, дорогая моему сердцу, стояла в дверях комнаты с букетом алых гвоздик. На миг я отвлеклась от телефона. Юлия в телефонной трубке продолжала говорить о Яшине. Она думала, что он хотел покончить самоубийством и распределял роли на своих похоронах. Мы попрощались. В памяти застряла фраза, повисшая без смысла, но как будто сказанная мне Юлией: «Нужно шесть красных гвоздик».

Через несколько дней Юлия Друнина, войдя в гараж, села в машину, включила зажигание... и так покончила с собой. Я положила ей в гроб шесть красных гвоздик.

По-моему, подозрение Юлии о самоубийстве Яшина было неверным. Она примеряла на себя его шутку о трех желтых розах. Ей в тот день было необходимо думать так. И задним числом я подумала, что Юлия и Александр Яковлевич, люди из одного поколения, фронтовики, оба яркие, красивые, когда-то могли нравиться друг другу, но не приближались. Юлия, как и Людмила Константиновна, опасалась, что страстный Яшин сожжет ее сердце. А он? Опасался того же? С ним рядом всегда были яркие, сильные женщины, ему от них нужна была вся любовь. Юлия эгоцентрична. Готова не столько любить, сколько быть любимой. Об этом свидетельствовала ее линия жизни с Алексеем Каплером, знаменитым ведущим «Кинопанорамы».

Сегодня, из другого времени хорошо видно, как заботился Александр Яковлевич о писателях-вологжанях, приехавших в Москву учиться. Чувство связи с родной землей жило в нем сильно, уверенно. Вологодские писатели всегда знали, что в Москве есть Яшин, он не даст погибнуть. Вологодчина отвечала ему любовью. После смерти особенно. Летом 2009 года я ехала с талантливым вологжанином, филологом, библиотекарем Сергеем Тихомировым в Никольск, оттуда в Блудново, на родину Александра Яковлевича. Долгая, нудная дорога. Скучный деревянный Никольск с храмом без купола на центральной площади. Старинное село Блудново – недалеко от Никольска. Вспомнила: в Ленинграде за ужином Яшин говорил, что родился в селе Блудново и поэтому не пропускает ни одной красивой женщины. Характерные черные избы с высокими подклетами. Брошенные есть, но есть и обновляемые. Родительский, даже еще дедовский дом в сохранности. Дед был кузнец. Здесь музей. Отлично воспроизведено хозяйство. Посетителей мало, но бывают. В самом Никольске школа имени Яшина. Библиотека. В библиотеке, в большой сохранности, много его книг разных лет. Во дворе школы, где учился будущий писатель, памятник Александру

Яковлевичу. В полный рост. Похож. Сюда часто приезжали, и теперь изредка бывают, вологодские писатели. Чтут память дня рождения, дня смерти. В библиотеке – фотографии на фоне памятника: Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Александр Романов, Василий Белов, Виктор Астафьев.

– Он, когда жив был, всех возил на Бобришный Угор. Чтобы полюбовались. Там построил домик. Приезжал с семьей. С друзьями. Подолгу жил. До зимы, – рассказывает Муза Вячеславовна Береснева, много лет проработавшая в Никольске учительницей. Это она создавала музейные комнаты, посвященные Яшину в Никольске, Блуднове, на Бобришном Угоре. Изящная, молодо и модно одетая, в своем преклонном возрасте непреклонная, оживленная Муза хороша. Она никогда не видела Яшина, но полюбила его книги. Сегодня здесь, вдали от шумных городов, благодаря ей теплится лампада памяти Александра Яковлевича. Она расцветает, когда говорит о нем, читает наизусть его стихи, перебирает его книги. Смотрю на нее и думаю: она счастлива с Яшиным, ушедшим на Тот Свет, как ни одна из тех, которые любили его на этом свете. Мне горько, грустно, радостно.

Вместе с Музой (ах, какое имя!) отправилась я на Бобришный Угор. Высокое место. Внизу река делает поворот. Вокруг лес. Избушка поставлена Яшиным. Рядом его могила и памятник. Похож. У него было скульптурное, словно вырезанное из камня, острое, худое лицо. Тогда оно мне не нравилось. Теперь нравится.

Вошла в дом. Чисто. Пусто. Входи, прохожий, бери что хочешь. Взять нечего. Подошла к большому окну. Внизу поворот реки. Залюбовалась. Вспомнила: там, в поезде, на обратном пути из Ленинграда, говорил он мне, как поворачивает река и видна даль. Вел речь про Бобришный Угор. Это место было его навязчивой идеей. Здесь он остро чувствовал природу. И ничего красивей не видал, хотя много стран в войну видел, а после тоже много земель изъездил.

Обостренное чувство прекрасного — очень вологодская черта. Она у Яшина, у Тендрякова. Как рефрен жизни. Как идеал, к которому нужно стремиться. Потому и было сильно стремление обоих к ярко красивым женщинам. Тяга, благополучно ничем не кончившаяся, к Татьяничевой, к Друниной. И страстные, трудные отношения с Еленой, Златой, Вероникой. Почему трудные? Такой характер. Это не объяснение, но другого у меня нет; одна из загадок жизни.

* Постояла у могилы. Унесла с собой подаренное мне Музой Бересневой мое давнее стихотворение, вырезанное ею из какого-то журнала. Забыла это стихотворение. Когда написала, где? Зачем? Хотела запечатлеть воспоминание о разговоре с Яшиным в поезде? Вновь возникло чувство, как при чтении яшинского отзыва на мои стихи: он посылает мне привет и напоминает о том, чего не следовало забывать. О чем же? Не знаю. Быть может, о необходимости разгадать загадку трех желтых роз?

Этим стихотворением продолжу воспоминание о Яшине и дам слово другим, чтобы он высветился скульптурно. Как того достоин.

– Ты зарифмуешь всё на свете:
с невозмутимостью – пыл,
с задумчивым затишьем – ветер, –
так Яшин некогда шутил, –
но для тебя настанет время
в расцвете самых сильных лет,
ты будешь говорить со всеми,
свободный излучая свет.
И станет неуютна воля
напрасных, неоглядных слов,
и сердце захлебнется в боли,
взгляд станет резок и суров.
Тогда-то рифмы будет мало,
чтоб выразить, как ты мала,
и голова твоя устало
падет на острый край стола.

Свершилось. Облик рифмы страшен,
но силы нет ее забыть.
И пусто. Александр Яшин
не скажет, как мне дальше быть.

Медленно, неотвратно начинаю понимать, что мы с ним, разные, ни в чем не совпадавшие, далекие в мыслях и чувствах друг от друга, были, что называется, родственными душами. Ничем подтвердить не могу, но ощущаю — были. Не случайно задолго до того, как он написал «Вологодскую свадьбу», написала я стихотворение «Свадьба», совершенно не свойственное мне, какое-то деревенское, с бытовыми деталями. Пестрое. В молодости я начинала пестро, играя со словесными красками.

Помню, Виктор Федорович Боков сказал мне о нем: «Не твое, но последняя строка — твоя. Не печатай его».

Не послушалась, опубликовала. Стихотворение не брали в редакциях, называя его поклепом на народную жизнь, и вдруг взяли в журнале «Молодая гвардия», может, потому, что тогда шумела «Вологодская свадьба» Александра Яшина. Вот это стихотворение...

Сваты сизолицые дымно
дышали. Гармошку — трясло.
И руки сцепивши, как дышла,
плясали сваты тяжело.

Безмужные плотные бабы
в сатина цветастой ботве
сидели прямые, как башни,
в привычном своем большинстве.

Старухи гудели натужно.
Тарелки гремели в дому.
И все это было не нужно
сегодня ни ей, ни ему.

Тишком мимо пьяных соседей,
уставших в скатерку клевать,
прошли. И никто не заметил,
что некому «Горько!» кричать.

И все-таки «Горько!» кричали,
и брага шибала до слез,
друг друга в усы целовали —
а двое — ушли на мороз.

Как тихо! И белое платье
смешалось со снегом в ночи,
морозно и ветрено. Свадьба.
— Как губы твои горячи!

Написала я его давно, еще будучи студенткой, поздней осенью 1953 года, в селе Мышкино Можайского района, где мой первый курс филологического факультета Московского университета собирал картошку. Воспоминания самые отвратительные: холод, грязь, смесь дождя со снегом. Обморозила себе кисти рук — по сей день память. И была там деревенская свадьба, на которую никто меня не приглашал — с какой стати? — но видела я, как за углом избы целовались удравшие от «Горько!» молодые.

При чем тут Яшин? Ни при чем. Тогда, в Ленинграде, после моего признания, что не люблю читать про деревню, он напомнил мне это мое стихотворение. Я никогда не публиковала его в своих книгах.

Стояла в домике Яшина на Бобришном Угоре и думала: пока живы те, кто помнит его, и даже, как Муза Береснева, не зная, любит, — он жив, а дальше — не знаю.